

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ И ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИИ В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ И РЕСПУБЛИКЕ ИНГУШЕТИЯ В КОНТЕКСТЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

Буралова Р.А.¹, Халидов А.И.¹

¹ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет», Грозный, Россия, e-mail: rburalova@mail.ru

В статье проведен анализ социолингвистической и эколингвистической ситуаций, сложившихся в двух республиках Российской Федерации, основное население которых говорит на близкородственных языках, имеющих минимальные различия в типологическом плане. Отмечается кардинальное изменение языковой ситуации в обеих республиках, ставших за два десятка лет фактически мононациональными. При этом отмечается, что кардинальное изменение национального состава населения и некоторое расширение функций соответственно чеченского и ингушского языков привели только к некоторому замедлению качественного роста чеченско-русского или ингушско-русского двуязычия, но достигнутый за предшествовавшие десятилетия уровень сохранился. Актуальны и требуют взвешенных решений вопросы, связанные с сохранением и развитием чеченского и ингушского языков, особенно – с расширением их функций в образовательной сфере.

Ключевые слова: языковая политика, чеченско-русское двуязычие; ингушско-русское двуязычие; функционирование языков; расширение функций языка.

THE SOCIOLINGUISTIC AND ECOLINGVISTIC SITUATION IN THE CHECHEN REPUBLIC AND REPUBLIC OF INGUSHETIA IN THE CONTEXT OF THE USE OF LANGUAGES IN EDUCATION

Buralova R.A.¹, Khalidov A.I.¹

¹ The Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russia, e-mail rburalova@mail.ru

The article contains an analysis of sociolinguistic and ecolinguistic situations in the two Republics of the Russian Federation, the majority of which is speaking closely related languages with minimal differences in typical terms. We note the profound changes in the linguistic situation in both Republics which have virtually become monoethnic in the last two decades. It is noted that the radical changes in the national population and the respective extended functions of the Chechen and Ingush languages have led only to a slowdown in qualitative growth of Russian and Chechen-Ingush-Russian bilingualism, but the development that occurred in the previous decade have been preserved. The issues related to the preservation and development of the Chechen and Ingush languages are relevant and require solutions especially with the expansion of their roles in education.

Keywords: the language policy, Chechen-Russian bilingualism; Ingush-Russian bilingualism; functioning of languages; expansion of the language options.

Оценивая сложившуюся к настоящему времени социолингвистическую и этнолингвистическую ситуации в Чеченской Республике (особенно) и Республике Ингушетия (в связи с тем, что происходившие в ЧР процессы отражались на ней в большей степени, чем на каком-либо другом субъекте РФ), мы должны иметь в виду в первую очередь коренное изменение структуры населения обеих республик за какие-то двадцать лет. Данные последней (2010 г.) переписи населения России показывают, что четверть (более 340 000, т.е. около 25%) от всех учтенных чеченцев России (136 025) к этому времени проживала за пределами Чеченской Республики. Более половины из этого числа – 183 270 чел. – проживают в сопредельных республиках – 87 867 в Республике Дагестан и 95 403 в Республике Ингушетия. Проживавшие в Республике Ингушетия чеченцы – в основном

беженцы двух военных кампаний, но чеченцы Дагестана в своем подавляющем большинстве – коренные жители этой республики, в основном населяющие приграничные районы (преимущественно Хасавюртовский район). У компактно проживающих в основном в прилегающих к ЧР селах Хасавюртовского района (Акташ-Аух, Алты-Мурза-Юрт, Адильотар, Бильтаул, Банай-Аул, Борагангечув, Бамматбекюрт, Барчхой, Бамматюрт, Банайюрт, Зори-Отар, Кешень-Аух, Кадыротар, Минай-Тугай, Нурадилово, Новосельское, Османюрт, Покровское, Солнечное, Хамавюрт, Юрт-Аух, Ярыксу-Аух, Ямансу) чеченцев Дагестана наиболее благоприятные условия для сохранения своего родного языка. И дело не столько в близости к территории расселения основной части носителей языка, сколько в проводимой руководством Республики Дагестан в отношении и чеченцев, и представителей других народов взвешенной национально-языковой политики. Эта политика направлена на сохранение языков всех языков народов Дагестана, на максимально возможное расширение их функций. Убедительным доказательством этому является тот факт, что проблема перевода начальной школы на родной (чеченский) язык обучения в Дагестане уже решена (власти Хасавюртовского района и Республики Дагестан не только не препятствовали этому, но и оказывали всяческую поддержку), тогда как в самой Чеченской Республике вопрос все еще в стадии обсуждения.

От постсоветского периода чеченской истории следовало ожидать радикальных изменений – расширения функций чеченского языка, усиления влияния литературного чеченского языка, ослабления функций русского языка в основных сферах его употребления в республике. На самом деле, как показано М.Р. Овхадовым в [5], произошло обратное: во-первых, в результате сокращения многих письменных сфер функционирования чеченского языка (печати, издательской деятельности, образования, средств массовой информации) наблюдались значительное ослабление влияния чеченского *литературного* языка и преобладание просторечия и диалектов; во-вторых, в результате миграции большей части чеченского населения за пределы республики стала размываться социальная база языка. При этом миграционный фактор в значительной степени усилил влияние русского языка: большая часть мигрировавшего населения оказалась в «русскоязычном» окружении, и это стимулировало дальнейшее развитие у этой части чеченского народа двуязычия, которое при длительном дисперсном, некомпактном проживании в российских регионах имеет тенденцию к переходу на обратное – чеченско-русское двуязычие. Часть мигрантов осваивает государственный язык другой соответствующей страны – немецкий, французский, норвежский, украинский, грузинский и др., что вполне объяснимо, так как без этого общение с коренным населением, занятие той или иной профессиональной деятельностью в иной языковой среде, в чужой стране невозможны. В результате массовой миграции чеченцев за

пределы республики произошло резкое сокращение социальной базы самого чеченского литературного языка.

Включение в 2009 г. чеченского языка в число 136 отмирающих (UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger - «Атлас мировых языков, находящихся под угрозой исчезновения») могло быть обоснованным, если бы не были остановлены деструктивные процессы, подстегиваемые «сепаратистским» режимом, поставившим и чеченское общество, и чеченский язык на грань катастрофы, о которых пишет А.И. Халидов [6, с. 169]. За полтора десятилетия «создатели суверенного чеченского государства» успели сделать многое в деле миноритаризации чеченского языка: в этот период в разы упали количество и тиражи газет и журналов на чеченском языке, фактически была приостановлена работа по исследованию и описанию литературного чеченского языка и диалектов (этим продолжали заниматься только самые упорные «энтузиасты» науки), была свернута работа культурно-просветительских учреждений, уменьшился (реально, не в учебных планах) объем и уровень преподавания чеченского языка и чеченской литературы в средней и высшей школе, полностью была свернута работа дошкольных учреждений, в которых закладываются первоначальные базовые навыки владения и родной, и русской речью (см. подробно [5, с. 177-181]).

Тем не менее, с точки зрения А.И. Халидова, решение ЮНЕСКО о включении чеченского языка в число отмирающих было преждевременным. Во всяком случае, в 2009 г. оснований для этого не было, хотя бы потому, что не только в полной мере, но и существенно ни один из применяемых экспертами ЮНЕСКО для определения соответствующего состояния языка 9 признаков к чеченскому языку в полной мере неприменим. Определенные основания для беспокойства о судьбе чеченского языка, конечно, есть. На чеченском языке, например, до настоящего времени не ведется в полном объеме преподавание даже на уровне начальной школы, чеченский язык фактически не используется в качестве языка делопроизводства и языка официальной переписки даже на уровне муниципальных учреждений. Вместе с тем с середины 2000-х годов языковая ситуация в республике кардинально изменилась. Превращение ЧР в фактически мононациональную республику свело к минимуму фактор «обратного» (русско-чеченского) двуязычия коренного населения, отсутствует фактор языковой среды – наличия значительной части населения с родным русским языком, в общении с которой возникала необходимость перехода на язык межнационального общения. В этом коренное отличие языковой ситуации в ЧР от ситуации, сложившейся, например, в соседнем многоязычном Дагестане, где объективно ни один из множества дагестанских языков не может быть государственным и русский язык – единственный, который может выполнять роль государственного языка и языка межнационального общения [2, с. 145].

Абсолютное преобладание чеченцев в структуре населения ЧР имеет свои плюсы и минусы: минус – замедление качественного роста чеченско-русского двуязычия, плюс – расширение сфер использования родного языка, особенно сферы устного общения. С другой стороны, в последнее время делается многое, чтобы создать необходимые условия для развития чеченского языка, расширения его социальных функций, и предпринимаемые меры не ограничиваются закреплением в Конституции ЧР за чеченским языком наряду с русским статуса государственного и Указом Президента Чеченской Республики о Дне чеченского языка [6]. В изменившихся условиях необходимы иные подходы и принципы в выработке и реализации языковой политики и конкретных программ в области языковой жизни, рассчитанных и на ближайшую перспективу, и на более отдаленное будущее. В частности, необходимо как-то компенсировать снижение фактора языковой среды и принять меры к тому, чтобы не произошло резкого снижения уровня владения чеченцами русским языком и обеспечивался качественный рост чеченско-русского двуязычия. Основания же для беспокойства об уровне владения русской устной и письменной речью, как показывают результаты государственной итоговой аттестации последних лет, к сожалению, есть. По данным Регионального центра обработки информации ЧР, по Чеченской Республике средний балл ЕГЭ по русскому языку в 2014 г. составил 41,1; в 2015 – 35 баллов, между тем как в целом по РФ средний балл в 2014 – 62,5, в 2015 – 65,9. В 2015 г. минимальный порог ЕГЭ по русскому языку в 24 балла не преодолели более 30% выпускников школ ЧР.

Демографическая и этноязыковая ситуация в Республике Ингушетия после ее образования в 1992 году в результате известных событий в ЧИАССР и «отделения» Чечни от России сложилась, на первый взгляд, самая благоприятная для ингушского языка. Ингуши в республике составляют (по данным переписи 2010 г.) 94,1% от всего населения (385 537 чел.), остальное, не ингушское, население представлено преимущественно чеченцами (4,6%, или 18 765 чел.), русских в РИ всего 0,8% (3215 чел.), другие, в том числе не указавшие национальность, – 0,5%. Статья 14 Конституции Республики Ингушетия гласит: «Государственными языками в Республике Ингушетия признаются ингушский и русский языки. Сохранение, защита и развитие ингушского языка является обязанностью государства». Однако, судя по недовольству многих, кто участвует в обсуждении проблемы сохранения и развития ингушского языка, особенно на сайтах Интернета, создается впечатление, что именно государство в лице республиканской власти не предпринимает ничего, что помогло бы расширить функции ингушского языка, решить актуальную для ингушского литературного языка проблему упорядочения орфографических и некоторых грамматических норм. Целесообразность перевода начальной школы на родной (ингушский) язык начала обсуждаться несколько лет назад, но хватило нескольких выступлений учителей

школ, считающих это ненужным или невозможным, как обсуждение этой очень важной проблемы было свернуто. На встречах с представителями республиканской власти общественность постоянно напоминает о необходимости наделения языка хотя бы минимумом функций, которые должны принадлежать государственному языку. Чаще всего речь идет об оформлении различных вывесок и указателей параллельно на русском и ингушском языках, издании периодики на ингушском языке (вряд ли можно считать нормальным, когда общенациональная газета «Сердало» с ингушским названием выходит фактически на русском языке и лишь время от времени появляются материалы на ингушском), увеличении времени вещания телевидения и радио на ингушском языке. Но реальных шагов в этом направлении в республике не сделано до сих пор. Свою лепту в решение этих проблем могли бы внести языковеды и другие представители гуманитарной науки в республике (которых, к сожалению, очень мало для работы с накопившимися за десятилетия проблемами), но для этого опять-таки необходимо, во-первых, чтобы они получали всемерную поддержку со стороны законодательной и исполнительной власти, во-вторых, чтобы сами языковеды основательно взялись за решение проблем исследования ингушского языка и упорядочения его норм. В Ингушетии, как в Чечне и других республиках, достаточно много «специалистов», легко решающих проблемы этногенеза и глоттогенеза своего народа и языка без опоры на факты и источники, без строго научного анализа, но мало специалистов, исследующих сам язык, озабоченных проблемами его нормирования, создания условий для реального расширения его функций. Это, в принципе, общая для чеченцев и ингушей проблема, но особенно остро она стоит именно в Республике Ингушетия – в связи с меньшей степенью изученности ингушского языка и значительно меньшим кадровым потенциалом ученых-языковедов. Впрочем, в последние годы ситуация значительно изменилась: появились новые словари (в частности: Куркиев А.С. Ингушско-русский словарь. – Магас : Сердало, 2004. – 544 с.), начата системная работа по описанию фонетического и грамматического строя ингушского языка, первым результатом которой стали подготовка под руководством проф. Н.М. Барахоевой и издание в 2012 году одного из разделов масштабного проекта «Современный ингушский язык» (Современный ингушский язык. Морфология / научный руководитель проекта д-р филол. н. Н.М. Барахоева. - Нальчик, 2012). Описанию языковой ситуации в Республике Ингушетия посвящен ряд работ проф. Т.В. Жеребило, отмечающей высокий уровень развития ингушско-русского двуязычия и наличие полилингвальных условий, сформировавшихся в процессе исторического развития ингушского этноса, представители которого всегда придавали большое значение изучению не только родного (ингушского), но и других языков: русского языка как языка общения и на данный момент одного из государственных языков Республики Ингушетия,

языков соседей, живущих на смежных территориях в условиях контактного континуума: чеченцев, кабардинцев, осетин, грузин и др. [3].

Самая серьезная опасность и для чеченского и ингушского языков, и для языков других народов Кавказа и всей России исходит от тех, кто влияет на выработку государственной национально-языковой политики в полиэтничном государстве – Российской Федерации, в том числе определяет выбор языков обучения в образовательных учреждениях. С середины 2000-х годов наметились положительные сдвиги, выразившиеся в готовности не препятствовать расширению функций государственных языков национально-государственных субъектов Российской Федерации, в частности – их (частичному) использованию в качестве языков обучения в образовательных учреждениях. Одними из первых, как известно, на это отреагировали в Осетии. Осознав опасность для осетинского языка и этноса процессов, приведших к вытеснению осетинского языка даже из сферы семейного общения, не говоря о том, что он практически не использовался в сферах образования (хотя в 20-50-е годы XX в. был языком обучения в начальной школе и частично в средних классах), в сфере искусства, а литература на осетинском языке, даже художественная, стала стремительно сокращаться, осетинские ученые и общественные деятели забили тревогу в начале 2000-х годов и в качестве одной из действенных мер для сохранения и обеспечения условий развития осетинского языка избрали курс на создание полномасштабной системы осетинских полилингвальных школ (с использованием в качестве средства обучения трех языков – русского, осетинского и одного из иностранных). Как отметил главный разработчик этой программы проф. Т.Т. Камболов, «сегодня, в период перехода осетинского народа от двуязычия к иноязычному состоянию, от бикультурального этапа к утрате своей национальной культуры, смена осетинского языка русским прерывает преемственность осетинской национальной культуры, но не обеспечивает столь же полномасштабное замещение утрачиваемой осетинской культуры русской или иной национальной культурой. Иначе говоря, утрачивая свой родной язык и, как следствие, национальную культуру, осетины перестают быть самими собой, но русскими так и не становятся, и все больше представителей осетинской молодежи оказываются в состоянии так называемого полукультурья, культурной маргинализации со всеми известными последствиями. В этой ситуации становится очевидным, что сохранение и развитие осетинского языка представляет собой не самоцель, а главное условие сохранения национальной культуры, как единственно возможной основы эффективного политического, экономического и социального развития осетинского народа» [4].

Включение и других республик в составе полиэтничного Российского государства в процесс создания и реализации модели поликультурного образования могло бы решить и

проблемы сохранения и развития языков, и проблему обеспечения знания русского языка и русской культуры представителями всех народов Российской Федерации. Однако нет уверенности, что разумные шаги, которые позволили бы сбалансированно развивать не только общегосударственный русский, но и все языки народов нашей страны, не будут пресечены представителями федеральных структур, уверенными в том, что «российская гражданская идентичность» должна выражаться в русификации всего населения страны и максимальном сокращении, если не исключении вообще, всего, что совсем недавно мы связывали с понятием «национально-региональный компонент». Реформаторы от образования вначале под предлогом «создания единого образовательного пространства» упразднили трехкомпонентные образовательные стандарты, вообще отказавшись в ГОСах 3-го поколения от понятия «национально-региональный компонент». Для придания этому силы закона уже в 2007 г. вносятся поправки в законы РФ «Об образовании» и «О высшем и послевузовском образовании», ставящие заслон трехкомпонентным (включающим национально-региональный компонент) образовательным стандартам и учебным планам. Затем появляются новый вариант ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», проект «Стратегии национальной политики», в которых явно прослеживаются эти же тенденции.

Примеру Северной Осетии - Алании в формировании подходов к стратегии языковой политики в республике, в определении ее приоритетов, в разработке и особенно реализации программ, направленных на расширение функций родного языка, в частности, и особенно – в культурно-образовательной сфере, в сфере телерадиовещания, – подходов, основанных не на эмоциях и искаженных идеологизированных устремлениях, а на взвешенном научном анализе этноязыковой ситуации в республике и в стране в целом, и ее настойчивости в отстаивании этих подходов могли бы последовать многие другие республики, в которых, кроме принятия законов о языках, все еще не сделано серьезных практических шагов по обеспечению соответствующим языкам гарантированных Конституциями РФ и республик прав и созданию условий для реального функционирования в сферах, определенных этих в законах.

И в Чеченской Республике, и в Республике Ингушетия, несмотря на радикальное изменение национального состава населения, сохраняется высокий уровень чеченско-русского/ингушско-русского двуязычия (в обеих республиках свободно владеют русским языком более 80% коренного населения), хотя отмечается некоторое замедление его качественного роста, русский язык сохраняет свои функции во всех основных сферах (в образовании, науке, делопроизводстве, в средствах массовой информации и т.д.), серьезных оснований для беспокойства за судьбу русского языка в этих республиках, таким образом, нет. В эколингвистическом плане для ЧР и РИ актуальны проблемы сохранения и развития

соответственно чеченского и ингушского языков, являющихся вторыми, после русского языка, государственными языками этих республик, и решение этих проблем видится в первую очередь в расширении функций соответствующих языков, в том числе и особенно – использовании в качестве языка обучения в начальной школе, исходя из того, что «не нужно пытаться искусственно внедрять родной язык там, где, как показал исторический опыт, разумнее и целесообразнее пользоваться русским языком», но, «с другой стороны, нельзя допускать и того, чтобы родной язык нес потери в тех сферах, которые именно он призван обслуживать» [1].

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ (№ 15-04-00529).

Список литературы

1. Абаев В.И. За родную речь // В.И. Абаев. Избранные труды. Том II. Общее и сравнительное языкознание. – Владикавказ : Ир, 1995. – С. 294-296.
2. Атаев Б.М. Проблемы этнолингвистической жизни народов Дагестана // Дагестан и Северный Кавказ в свете этнокультурного взаимодействия в Евразии. – Махачкала, 2006. – С. 143-147.
3. Жеребило Т.В. Русский язык в Ингушетии : монография. – Назрань : Пилигрим, 2009. – 114 с.
4. Камболов Т.Т. Полилингвальная образовательная модель в системе образования Республики Северная Осетия-Алания // WWW.OSRADIO.RU (май 2008 г.). - URL: <http://ironau.ru/kambolov-osradio.html>.
5. Овхадов М.Р. Социоллингвистический анализ развития чеченско-русского двуязычия. – Назрань : Пилигрим, 2007. – 203 с.
6. Халидов А.И. Культура сквозь призму языка // Культура Чечни: История и современные проблемы. – М. : Наука, 2006. – С. 168-176.
7. Халидов А.И. Обоснованно ли включение чеченского языка в Atlas of the World's Languages in Danger? // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. – 2014. - № 5-6. – С. 78-80.

Рецензенты:

Овхадов М.Р., д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой общего языкознания, Чеченский государственный университет, г. Грозный;

Сулейбанова М.У., д.фил.н., профессор кафедры русского языка Чеченского государственного университета, г. Грозный.